

Теперь корнями вверх лежать.
 Непостоянство—доля смертных;
 Въ премѣнахъ вкуса—счастье ихъ;
 Среди утѣхъ своихъ несмѣтныхъ
 Желаемъ мы утѣхъ иныхъ.
 Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
 Когда твои ланиты тучны
 Престанутъ граціи трепать;
 И, можетъ быть, съ тобой въ разлукѣ
 Твоя ужъ Пенелопа въ скукѣ
 Коверъ не будетъ распускать!
 Не будетъ, можетъ быть, лелѣять
 Судьба ужъ болѣе тебя,
 И вѣтръ благоприятный вѣять
 Въ твой парусъ;—береги себя!

Въ заключительныхъ стихахъ оды Державинъ особенно вѣренъ духу своего времени:

Доколь текутъ часы золотые
 И не приспѣли скорби злыя,—
Пей, тѣшь и веселись, счастѣй!
На свѣтѣ жить намъ время срочно;
 Веселье то лиш. непорочно,
 Раскаянья за коимъ нѣтъ.

Чувство наслажденія жизнью принимало иногда у Державина характеръ необыкновенно пріятный и граціозный,—какъ въ этомъ прелестномъ стихотвореніи—«Гостю», дышащемъ кромѣ того боярекимъ бытомъ того времени:

Сядь, милый гость, здѣсь на пуховомъ
 Диванѣ мягкомъ отдохни;
 Въ семь тонкомъ пологу перловомъ,
 И въ зеркалахъ вокругъ усни;
 Вадремни постѣ стола немножко;
 Пріятно часикъ похрапѣть;
 Златой кузнечикъ, сѣра мошка
 Сюда не могутъ залетѣть
 Случится, что изъ сновъ прелестныхъ
 Приснится здѣсь тебѣ какой:
 Хоть кладъ изъ облаковъ небесныхъ
 Златой посыплется рѣкой,
 Хоть дѣвушки мои домашни
 Рукой тебѣ махнутъ, — я радъ:
 Любовныя пріятны шашни,
 И поцѣлуй въ сей жизни кладъ.

Итакъ, вотъ созерцаніе, составляющее основной элементъ поэзіи Державина; вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ отразился на русскомъ обществѣ XVIII вѣка; и вотъ гдѣ является Державинъ выразителемъ русскаго XVIII вѣка. И ни въ одномъ изъ его стихотвореній этотъ мотивъ не высказался съ такой полнотой идеи, такой торжественностью тона, такою полѣтистостью и яркостью фантазіи и такимъ громозвучіемъ слова, какъ въ его превосходной одѣ «На смерть князя Мещерскаго», которая вмѣстѣ съ «Водопадомъ» и «Фелицей» составляетъ ореолъ поэтическаго гения Державина,—лучшее изъ всего, написаннаго имъ. Несмотря на нѣкоторую напряженность, на нѣсколько риторическій тонъ, составляющіе необходимое условіе и неизбежный недостатокъ поэзіи того времени,—сколько величія, силы чувства, и сколько искренности и задушевности въ этой чудной

одѣ! Да и какъ не быть искренности и задушевности, если эта ода—исповѣдь времени, вопль эпохи, символъ ея понятій и убѣжденій! Какъ колоссаленъ у нашего поэта страшный образъ этой безпощадной смерти, отъ роковыхъ когтей которой не убѣгаетъ никакая тварь! Сколько отчаянія въ этой характеристикѣ вооруженнаго косою скелета: и монархъ, и узникъ—свѣдъ червей; злость стихій пожираетъ самыя гробницы; даже славу зияетъ стереть время; словно быстрыя воды льются въ море—льются дни и годы въ вѣчность; царства глотаешь алчная смерть; мы стоимъ на краю бездны, въ которую должны стремглавъ низринуться; съ жизнью получаемъ и смерть свою—родимся для того, чтобы умереть; все разить смерть безъ жалости:

И звѣзды ея сокрушаются,
 И солнцы ея погашаются,
 И всѣмъ мірамъ она грозитъ!

Отъ этого страшнаго міросозерцанія потрясенный отчаяніемъ духъ поэта обращается уже собственно къ человѣку, о жалкой участи котораго онъ слегка намекаетъ.

Не мнить лишь смертный умирать
 И быть себя онъ вѣчнымъ чаеъ.—
 Приходить смерть къ нему, какъ тать,
 И жизнь внезапно похищаетъ.
 Увы! гдѣ меньше страха намъ,
 Тамъ можетъ смерть постичь скорѣе;
 Ея и громы не быстрѣе
 Слетаютъ къ горнымъ вышнямъ.

Что же навело поэта на созерцаніе этой страшной картины жалкой участи всего сущаго и человѣка въ особенности?—Смерть знакомаго ему лица. Кто же было это лицо? Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко, Бецкій или другой кто изъ историческихъ дѣйствователей того времени?—Нѣтъ: то былъ—

Сынъ роскоши, прохлада и нѣгъ!

О, XVIII вѣкъ, о, русскій XVIII вѣкъ!...

Сынъ роскоши, прохлада и нѣгъ,
 Куда, Мещерскій, ты сокрылся?
 Оставилъ ты сей жизни брегъ,
 Къ брегамъ ты мертвыхъ удалился:
 Здѣсь персть твоя, а духа нѣтъ.
 Гдѣ жъ онъ?—Онъ тамъ.—Гдѣ тамъ?—Не
 знаемъ.

Мы только плачемъ и взываемъ:
 „О горе намъ, рожденнымъ въ свѣтъ!“

Вникните въ смыслъ этой строфы—и вы согласитесь, что это вопль подавленной ужасомъ души, крикъ нестерпимаго отчаянія... А между тѣмъ исходнымъ пунктомъ этого страшнаго созерцанія жалкой участи человѣка—не иное что, какъ смерть богача. Можно подумать, что бѣднякъ, умершій съ голоду среди оборванной семьи, въ предсмертной агоніи просящій хлѣба, не возбудилъ бы въ поэтѣ такихъ горестныхъ чувствъ,